

ТЕАТР

Современник

Сказать в искусстве правду о нашей жизни, увлечь людей на трудовое творчество, утвердить высокие моральные устои советского общества — это значит прежде всего открыть богатую и красивую душу современника, героя нашего времени. Не всегда удается это в театре. Мы знаем немало пьес и спектаклей, где герои говорят верные слова и делают хорошие дела, однако не задевают сердца зрителя, ибо за речами и поступками не видно настоящего, из жизни пришедшего человека с судьбой и характером. А встреча с таким человеком на сцене очень радостна, она никогда не проходит бесследно. Один из них — академик Дронов, сыгранный артистом Василием Орловым в спектакле Московского Художественного театра «Все остается людям» С. Алешина.

По мысли автора, жизненная позиция большого ученого и большого, тяжело больного человека особенно полно раскрывается в его споре с умным попом Серафимом (артист Ю. Кольцов). В споре о том, что выше — призрачная вера в божественное провидение или действительная вера в жизнь, в человека, творящего жизнь для людей. Да, этот поединок двух мировоззрений, двух моралей мог бы стать основой большого философского спектакля. Но не стал. Не стал потому, что писатель не нашел для своего героя сильных слов, нисвергающих утешительские речи Серафима. Да и самый спор органически не вошел в действие пьесы — он остался как бы комментарием к происходящим событиям.

Однако то, что не прозвучало в непосредственном поединке с противником, с убеждающей силой выявилось в тех сценах, где Дронов открылся нам как активная, действенная натура. Мы увидели страстного борца за счастье людей, для которого идеал и практическое дело едины.

Вновь подтвердилась старая истина: тогда художник достигает самых широких обобщений жизни, когда идет к ним через индивидуальное в своем герое. Дронов у В. Орлова наделен очень личными, особенными чертами, его не спутаешь с другим академиком на сцене, хотя автор и ставит героя в «привычную» ситуацию, — ведь не раз мы уже встречали в театре умирающего ученого. Но вот он пришел к своему ученику Вязьмину (артист Ю. Пузырев), который по слабости характера, думая сделать лучше, нанес вред и своему учителю, и общему делу. Эта небольшая сцена стала центром спектакля, ибо в ней полнее всего открылась благородная партийная душа современника.

Дронов-Орлов взбешен малодушным поступком помощника (тот, пережив тяжелую драму, решил покинуть институт), своим презрением жестоко казнит Вязьмина. Но он знает, что происходит в душе ученика, любит его и верит — как в человека и как в ученого. Вот почему могучая страсть отчаяния вырвалась из сердца героя и артиста, когда стало известно, что Вязьмин решил уйти не только из института, но и из жизни. Дороже человеческой жизни нет ничего на свете. Любовь к человеку, вера в человека, даже если он оступился, совершил ошибку, — эти чувства с огромной силой выражены В. Орловым, из личных отношений действующих лиц они выросли в торжество превосходного морального правила нашей жизни. Это и есть высокое искусство, художественное обобщение: оно утверждает красоту коммунистической нравственности и безошибочно направлено против бездушного догматизма в отношениях между людьми. А главное — художественный образ, созданный В. Орловым, врезался в нашу память как пример моральной силы советского человека, обогащающий наш духовный опыт. Разве не в этом воспитательное призвание искусства?

Но Дронов не только доверяет людям и прощает их неверные шаги — будь так его доверчивость могла бы обернуться

беспринципностью. Когда в этой же сцене он встретился с бездушным бюрократом и хамом Трошкиным, в голосе В. Орлова зазвучали совсем другие ноты — ноты едкого сарказма и гнева к тем, кто вредит людям и «поганит советское учреждение». Казалось бы, частный, обидный случай из жизни: Дронов поставил на место зарвавшегося бюрократа, который незаконно выселяет людей из комнаты. Но и этот эпизод становится важным, обобщающим. В том, как говорит ученый: «Я депутат Верховного Совета», с какой воинствующей нетерпимостью к хамству морально уничтожает он Трошкина, видишь — это не преувеличение — могучую силу народной власти в нашей стране, власти, для которой нет ничего выше человеческого блага.

Это лишь одна, думается лучшая, сцена в спектакле. Другие картины обогащают наши представления о Дронове, выявляют неприменную черту советского человека: его самозабвенность в труде во имя высокой цели.

Перед нами живой человек. Окружающим нелегко с ним: душевная доброта уживается в дроновском характере с бескомпромиссностью, доходящей до жестокости, юмор соседствует с суровостью и сарказмом. Но за этими личными чертами видишь крупного человека, для которого строительство новой жизни, научные открытия, электрический свет в селе Марфино, судьба **каждого** человека — глубоко личное дело. Вот почему академика Дронова в исполнении В. Орлова хочется причислить к лучшим образам героев нашего советского времени.

Здесь можно и не говорить о спектакле в целом, о пьесе, в которой очевидны и сильные стороны, прежде всего образ главного героя, и явные недостатки: рациональность в расстановке борющихся сил, порой немотивированность поступков героев, драматургическая неслаженность. Заслуживают пристального внимания искусство мхатовских артистов, где также есть удачи и неудачи, и, конечно, работа режиссера спектакля Г. Конского, который по праву делит успех с В. Орловым. Хотелось сосредоточить все внимание на образе Дронова, ибо нет сейчас в нашем театре более важной задачи, чем задача художественного воплощения передового человека нашей жизни.

В заключение — некоторые мысли, выходящие за пределы спектакля «Все остается людям».

Лучшие образы и сцены спектакля вновь подтвердили силу творческого метода Художественного театра, его правоту, когда он по-прежнему выдвигает на главнейшее место в искусстве «жизнь человеческого духа», внутренний, психологический мир героя. Достижения этой мхатовской работы заставляют задуматься и о другом.

Посмотрите, какую прекрасную пору творчества переживает сейчас Василий Орлов. Почему бы это? Думается, и потому, что выдающемуся, многоопытному артисту посчастливилось в последние годы встретиться на сцене со своими современниками. Недавно он с проникновенной силой и мужественной простотой сыграл полковника Березкина в «Золотой карете» Л. Леонова. Теперь — академик Дронов. Ведь именно в этих образах открылись новые яркие грани дарования артиста старшего поколения в советском театре. Разве это не убедительный пример для сверстников и младших товарищей по искусству? И разве могут руководители наших театров, и Художественного в первую голову, мириться с тем, что многие превосходные советские артисты годами живут в разлуке с современниками! Ведь речь идет не только о том, что зрителям обидно не видеть любимых актеров в спектаклях о нашей жизни, но и о творческой судьбе художников. По самой своей природе театр — искусство сегодняшнее, и, если артисты и режиссеры отлучены от современной жизни, они лишаются воздуха творчества.

А. АНАСТАСЬЕВ.